

Ван Чжэнь остановился, взглянул на Ван Хуэя и удивлённо приподнял бровь:

— О чём ты?

— Ты прекрасно знаешь, о чём я.

— Тогда и четвёртому дядюшке следовало бы знать: ещё десять лет назад я говорил, что никогда не надеялся встретить того самого человека, и уже давно был готов прожить жизнь в одиночестве. На свете тысячи разных людей, и каждый по-своему хорош, но мне нужен лишь один. Вот только не факт, что я нужен ему. Он это или не он — какая разница? Наш путь не один, да и я ему не пара.

Высказав всё это, Ван Цзыфэн изящно взмахнул рукавами и удалился, оставив потрясённого Четвёртого господина семьи Ван стоять на месте в полном онемении.

Однако спустя мгновение Ван Хуэй пришёл в себя и с ухмылкой пробормотал:

— Да брось ты глупости молоть. С самого детства разве было хоть что-то, чего бы ты хотел и не получил?

В тот же день во второй половине дня Ван Чжэнь отправился на корабле на север и вернулся в Шэнцзин.

Спустя несколько дней Тан Шэнь попрощался с родными и друзьями из управы Гусу и точно так же отправился на север в столицу. Едва прибыв в Шэнцзин, он тут же вызвал к себе Яо Саня и спросил:

— Как продвигаются дела со Стекольной мастерской?

Яо Сань ответил:

— Мастера в целом освоили основные приёмы, вот только выпуск прозрачной цветной глазури всё ещё нестабилен. Во-первых, сделать эту вещь сама по себе непросто — куда сложнее, чем то мыло. Во-вторых, поджимали сроки: как раз подоспел Новый год, мастера разъехались по домам праздновать, так что практики пока не хватило.

Тан Шэнь ненадолго задумался:

— Веди, посмотрим.

Праздничные дни у чиновников обычно продолжались до семнадцатого дня первого месяца, то есть заканчивались после Праздника фонарей. Тан Шэнь вернулся в Шэнцзин на несколько дней раньше. Накинув плотный подбитый ватой халат, он вместе с Яо Санем отправился в Стекольную мастерскую на востоке города.

Да, ещё до своего отъезда из Шэнцзина Тан Шэнь потратил полмесяца и в конце концов сумел получить стекло.

Когда Тан Шэнь показал готовые изделия Яо Саню, Счетоводу Линю и остальным, все ахнули:

— Цветная глазурь!

Управляющий Лу часто имел дело с людьми из Поместья княжества Цзин и навиделся немало ценных вещей. Он произнёс:

— Цветная глазурь стоит невероятно дорого, обычно её поставляют к императорскому двору в качестве дани. Бывает она и у простого народа, но чаще всего грубой работы и мутная. Чтобы получить такую чистую глазурь, нужен отборный глазурный камень. Молодой хозяин, где вы её добыли?

Все приняли стекло за цветную глазурь, и Тан Шэнь не стал их переубеждать. Лишь заметил:

— Глазурь обычно цветная, а видели ли вы когда-нибудь совершенно бесцветную?

Управляющий Лу внимательно присмотрелся:

— Вот этого действительно не приходилось видеть, бесцветной я не встречал.

— Это особый вид глазури, сделанный вовсе не из глазурного камня, — произнёс Тан Шэнь. — Я называю её стеклом, но если вам привычнее говорить «глазурь», то не беда. Самое главное — для неё не нужен глазурный камень, — Тан Шэнь снова подчеркнул эту мысль.

Счетовод Линь и Управляющий Лу затаили дыхание и переглянулись.

Счетовод Линь спросил:

— Молодой хозяин, вы хотите сказать... сырьё для этой вещи обойдётся дешевле глазурного камня?

Управляющий Лу добавил:

— Насколько дешевле?!

Тан Шэнь протянул руку и показал пальцами число.

Все присутствующие дружно ахнули.

Так и сложилась нынешняя картина.

Тан Шэнь и Яо Сань вошли в Стекольную мастерскую. Мастера бережно растирали доломит в порошок. В соседнем помещении другие ремесленники приготавливали гидроксид натрия. Благодаря прежнему опыту варки мыла приготовление гидроксида натрия шло гладко. Однако при смешивании доломита, полевого шпата и песчаника и последующей реакции с гидроксидом натрия неизбежно возникали потери.

Тан Шэнь долго наблюдал за процессом, после чего опробовал всё сам. Обсуждая дело несколько дней с мастерами, набившими руку на производстве мыла, он смог снизить расход сырья впустую лишь до шестидесяти процентов.

Тан Шэнь мысленно вздохнул: «Хотя это древнезападный способ стекловарения, будь у меня оборудование из будущего, потери удалось бы снизить хотя бы до тридцати процентов».

Когда получалась раскалённая и яркая, словно магма, жидкая стеклянная масса, наступал черёд выдувания изделий.

Техника выдувания применялась на Западе на протяжении тысяч лет и осталась в ходу у мастеров даже в далёком будущем. Один из ремесленников взял тонкую железную трубку и поддел немного жидкого стекла. Вязкое, словно клейстер, стекло облепило один конец трубки, и мастер, дунув с другой стороны, заставил жидкую массу раздуться.

Дальше оставалось придавать стеклу желаемую форму.

Слишком изысканную посуду здешние мастера выдувать пока не умели — ограничивались простыми формами.

Тан Шэнь со стороны наблюдал за выдуванием изделий, а затем отобрал нескольких человек и отвёл их в сторону:

— Вы двое-трое больше не будете заниматься варкой массы, — под массой подразумевалось жидкое стекло. — Сосредоточьтесь на выдувании: вы должны научиться придавать изделиям более изящные формы и узоры.

Мастера покорно кивнули.

Оставшись наедине, Тан Шэнь тихо сказал Яо Саню:

— Брат Яо, в этот раз со Стекольной мастерской мы ни с кем не объединялись, это наше собственное дело. Что насчёт сохранения тайны, ты всё обустроил?

Когда они производили мыло и эфирное масло, за всем присматривала семья Тан, и Тан Шэню требовалось лишь предоставить рецепты. Но на этот раз стеклянный бизнес он не делил ни с кем, занимался им единолично, и во всё приходилось вникать самому.

Яо Сань поспешно заверил:

— Само собой! Приготовление разных составляющих я поручаю разным ремесленникам и строго слежу за ними. К тому же, молодой хозяин, одно дело — обычный торговец, но вы ведь чиновник четвёртого ранга, почтенный господин при должности. Мастера не посмеют сводничать. Случись что — каждый из них знает, какая кара их ждёт.

Тан Шэнь кивнул.

В древности чиновникам запрещалось заниматься торговлей не только из-за низкого положения купцов, но и ради предотвращения злоупотребления властью. И хотя в этом мире не существовало строгого запрета на купеческое дело для служащих казны, а статус торговцев был куда выше, чем в памяти Тан Шэня, разница между ведением дел чиновником четвёртого ранга и простолюдином всё равно оставалась огромной.

После того как Тан Шэнь проверил дела в Стекольной мастерской, двадцатидневный праздничный отпуск чиновников подошёл к концу.

29-й год Кайпин, семнадцатый день первого месяца, час Быка, третья четверть.

Тан Шэнь быстро поднялся с постели. Мальчик-писарь принёс ему таз с горячей водой, чтобы господин омыл лицо и руки. Затем Фэнби помог Тан Шэню облачиться в многослойное, узорчатое чиновничье облачение. Тан Шэнь давно не вставал в такую рань; взглянув в окно, он увидел лишь высоко стоящую бледную луну да непроглядную тьму.

Не было ещё и трёх часов ночи.

Тяжело вздохнув, Тан Шэнь надел чиновничью шапку, взял в руки нефритовый дощечку-ху и отправился во дворец.

Сановники первого ранга могли отправляться во дворец в каретах, запряжённых парой

лошадей; сановники второго ранга ездили на утреннюю аудиенцию в повозках с одной лошастью. Чиновники рангом ниже довольствовались меньшим: третий ранг ездил на ослиных повозках, а четвёртый ранг ходил пешком. Если же у чиновника четвёртого ранга имелись проблемы с ногами, он мог подать прошение в Приказ ритуалов, и тот давал разрешение на ежедневные поездки на ослике.

Однако, пройдя Врата Сюань, все без исключения выходили из экипажей и двигались дальше исключительно пешком.

Поскольку назначенное время ещё не наступило, вельможи первого и второго рангов отдыхали в главном зале дворца Чунчжэн, чиновники третьего ранга размещались в левом крыле, а многочисленные служащие четвёртого ранга теснились в правом приделе.

После долгого перерыва в утренних аудиенциях чиновники оживлённо поздравляли друг друга с Новым годом.

К счастью, на утренние аудиенции ежедневно требовалось являться лишь столичным чиновникам не ниже четвёртого ранга. Помимо них, если в столицу прибывали провинциальные чиновники того же четвёртого ранга, им надлежало накануне уведомить Приказ ритуалов и на следующий день тоже прийти на аудиенцию.

Тан Шэнь оглядел правый придел и действительно заметил немало незнакомых лиц.

С наступлением Нового года чиновники из провинций съехались в столицу, чтобы поздравить императора, отчего народу и стало больше.

Как только пробил час, распорядитель-евнух вышел к дворцу Чунчжэн и огласил повеление чиновникам войти на аудиенцию. Первыми вышли сановники первого и второго рангов из главного зала, за ними — чиновники третьего ранга из левого крыла. И лишь напоследок черед дошёл до чиновников четвёртого ранга.

Ритуал и закон Великой Сун отличались суровостью: даже правитель не смел переступить установленных правил.

Тан Шэнь, будучи чиновником Дворца Циньчжэн, стоял в шеренге чиновников слева и, склонив голову, слушал, как Министр ритуалов Мэн Лан зачитывает новогоднее молитвенное обращение. В шеренге чиновников четвёртого ранга Тан Шэнь занимал место во втором ряду. Как гласила известная в Шэнцзине поговорка: «Приезжий уступит столичному, а столичный — служащему из Дворца Циньчжэн».

Чиновники из Дворца Циньчжэн везде и всюду держались на голову выше прочих служащих четвёртого ранга.

Поскольку это была первая утренняя аудиенция в новом году, чиновники докладывали Чжао Фу обо всём, что произошло за прошедший год. В минувшем году, помимо проливных дождей на севере, затопивших немало городов и размывших недостроенный мост, иных стихийных бедствий не случилось. Никто не желал в такой день омрачать настроение государю: новый правитель управы Цычжоу лишь вскользь упомянул об обрушении Моста через реку Цзинхэ, зато всю хвалился тем, что казённый тракт Сичжоу уже выстроен больше чем наполовину и к середине этого года непременно будет завершён.